

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Дискурсные основания культуры общественных институтов

Е. А. Кожемякин

1. Люди биологически вынуждены согласовывать свои действия с другими людьми. Фактически, необходимость соотносить свое поведение с поведением других людей формирует систему общих действий, которые транслируются в виде моделей и образцов. Циркуляция в обществе подобных клишированных паттернов, как отмечает Дж. Р. Серль в своих работах¹, приводит к формированию «коллективной интенциональности», несводимой к индивидуальной интенциональности или к чему-либо еще. Коллективная интенциональность позволяет создать институциональные факты, совокупность которых в итоге образует общественный институт. Повседневные действия в процессе институционализации приобретают статусное значение и выполняют определенные общественные функции. Серль говорит следующее: «Существование общественных институтов позволяет отдельным личностям или группам возлагать на объекты такие функции, которых эти объекты могли бы не выполнять сами по себе в силу одной своей структуры, но выполняют благодаря коллективному признанию их определенного статуса, а с этим статусом и определенных функций»².

Итак, под институтом мы понимаем совокупность устойчивых формальных и неформальных норм, паттернов и правил, легитимирующих и регулирующих определенный круг взаимодействия между людьми. Так,

¹ См.: Серль Дж. Р. Рациональность в действии. М., 2004; Searl J. R. Construction of social reality. N. Y., 1995.

² Серль Дж. Р. Рациональность в действии. М., 2004. С. 75.

наиболее значимыми общественными отношениями на сегодняшний день являются те, которые устанавливаются и регулируются институтами политики, образования, права, медицины, религии.

Институт не сводится к существованию исключительно норм, закрепляющих статус объектов. Любой институт предполагает культурное становление, реализацию в виде некоторого набора идей, ценностей и поведенческих моделей и образцов. Как отмечает А. Усманова, «функционирование культуры — это процесс формирования символической сетки, которую она набрасывает на действительность»³. Культура создает «резервы» семантики языка института, а также его символический контекст. В таком измерении *институциональная культура* может трактоваться как определенный порядок производства, хранения, воспроизводства и трансформации норм и правил, фиксирующих институт, и может быть противопоставлена бытовой (повседневной) культуре, основанной не на легитимных, но на ценностных или «габитусных» моделях поведения.

2. Серль подчеркивает исключительно языковой характер процессов институционализации, который условно сводится к ряду ключевых моментов. Мы рассмотрим три наиболее главных из них.

Во-первых, (а) институциональные факты образуются в соответствии с реализуемой посредством коллективной интенциональности формулой вида «X принимается за Y в условиях C». Собственно, такая формула представляет собой формулу языка, где X есть означающее, Y — означаемое, а C — контекст (например, «некто считается директором такой-то компании»). С этой точки зрения, институционализировать — значит наделить объект статусом, придать ему знаковую форму и закрепить за определенными воспроизводящимися обстоятельствами. Наделение объекта статусом представляет собой процесс реализации власти института.

Во-вторых, (б) в общественных институтах онтология объектов связана с интенциональностью. Первичным действием в рамках институциональных фактов является коллективное решение относительно существования некоторого объекта (например, относительно болезни, денег, воспитанности, справедливости и т. д.). Следствием этого действия становится онтологизация самого объекта. Например, если люди коллективно решили нечто считать деньгами, объект их решения становится таковым, то есть — деньгами. Процесс перехода от интенциональности к онтологии объектов есть также языковой процесс закрепления за определенным значением определенного знака.

³ Усманова А. Р. Культурные исследования // Постмодернизм: Энциклопедия. Минск, 2001. С. 399.

В-третьих, (в) многие институциональные факты могут быть созданы с помощью перформативных высказываний («я объявляю...», «мы назначаем...», «я подписываю...», «я приговариваю...»). Собственно, в тех системах, в которых подобные высказывания являются достаточными основаниями для появления институциональных фактов, следует говорить о строгой языковой детерминации общественного института. Таковы политика, образование, право и некоторые другие.

Прокомментируем эти три ключевых момента, свидетельствующих не просто о языковой, но о дискурсной детерминации институтов. Следует пояснить, что под дискурсом мы понимаем произведенную в определенных исторических и социальных рамках и тематически сфокусированную последовательность высказываний, конструируемую относительно определенной цели и решения каких-либо проблем, рецепция которой (последовательности) способна повлиять на модели субъективного опыта человека, его внутреннюю репрезентацию мира, убеждения и поведение.

Тезис (а) свидетельствует не только и не столько о языковых процессах институционализации, сколько о процессах дискурсивных. Закрепление определенного объекта Y за означаемым X есть, безусловно, языковой процесс; однако, культурная специфика конкретного института предполагает контекстуальную устойчивость связи между X и Y , на что Серль указывает, говоря о контексте C , а введение третьего элемента в формулу выводит ее за пределы собственно лингвистических правил. Элемент C , на мой взгляд, образует топику всех возможных высказываний в институциональном поле, в которых воспроизводились бы «статус-функции» термина Y . Наложение статус-функции требует воспроизводства и продолжения во времени, а это свидетельствует о дискурсном процессе.

Тезис (б) также указывает на дискурсные процессы, лежащие в основе института, поскольку принятие коллективного решения относительно существования объектов предполагает реализацию дискурсных практик; объекты номинируются и располагаются относительно друг друга таким образом, что создают определенное поле высказываний. Согласно Фуко⁴, этот процесс предполагает три этапа: определение пространства номинирования объектов; определение инстанций разграничения, выделяющих, обозначающих, называющих и утверждающих нечто в качестве объекта; определение системы категоризации, в которой объект специфицируется и выделяются его типы.

В тезисе (в) речь идет о тех ситуациях, которые могут быть реализованы только при определенных обстоятельствах, к которым следует отне-

⁴ Фуко М. Археология знания. СПб., 2004.

сти статус говорящего и слушающего, место и время перформативного высказывания, субъективные особенности произнесения высказывания — иными словами, не только те обстоятельства, которые имеют отношение к производству текста (перформативного высказывания), но и контекста. Это говорит не столько о языковом (абсолютном, абстрактном) процессе, сколько о дискурсном.

К этим трем моментам, свидетельствующим о языковой и дискурсной детерминации институтов, добавим еще два.

(г) Поскольку институт имеет как минимум два главных уровня — легитимизированный (представленный текстами, фиксирующими нормы и правила, определяющими взаимодействие между людьми) и лично-индивидуальный (представленный живой речью и диалогом), то он обладает механизмами «перевода» институциональных фактов с одного уровня на другой. Подобные переводы предполагают формальную трансформацию высказываний, фиксирующих факты при сохранении формулы «X считать за Y в С» и ее содержания. В данном случае речь идет о переводе с одного дискурсного жанра (например, бюрократического) на другой (например, неофициальный).

(д) Поскольку культура представляет собой семантический материал, то легитимирующие механизмы института — это комплекс операций по его структурированию или — синтаксический материал. Метафорически выражаясь, легитимация — это грамматическая деятельность по отношению к «словарю», который представляет из себя культура. Еще один аспект институциональной культуры как семиотического образования — прагматический — становится возможен благодаря вплетению в институциональную органику дискурсной практики.

3. Проблема исследования институциональных культур и свойственных им дискурсов имеет несколько аспектов.

Во-первых, в современном научном знании, так или иначе затрагивающем дискурсную проблематику, до сих пор не выработано общего, устраивающего всех определения как культуры, так и дискурса, не построено единой модели дискурса, не сформированы общие взгляды на условия и цели применения дискурс-анализа. И, тем не менее, несмотря на подобную методологическую неоднозначность, дискурсные исследования приобретают значимый академический статус, их результаты широко используются в научном и общественном контекстах.

Во-вторых, существует высокая потребность в изучении *совместимости* различных институциональных *дискурсов* (особенно в контексте «оптимизации общественных институтов»: демократизации политики, модер-

низации образования и так далее). К сожалению, за исключением результатов работы некоторых исследовательских групп (например, зарубежные журналы «Discourse and society», «Discourse and communication», «Discourse studies», «Text and talk», а также отечественные некоторые отечественные исследовательские группы — «Лаборатория аксиологической лингвистики», Российская коммуникативная ассоциация, Уральская школа теории дискурса и другие), подобные исследования крайне редки в современной науке и зачастую демонстрируют достижения узкой сферы академических исследований (например, когнитивной лингвистики или социальной психологии), в то время как исследуемый предмет полагается в русле междисциплинарных исследований.

В-третьих, актуально изучение коммуникативных эффектов дискурсов в общественных институтах: распространенным является непонимание людьми языка, текстов, контекстов медицинского, юридического, политического и прочих дискурсов, интенций их участников, что представляет собой парадоксальную ситуацию, поскольку, казалось бы, понимание сообщения и адекватной реакции на него полагается в качестве одной из главных задач этих дискурсов.

Дискурс выступает не столько в качестве инструмента отражения, выражения, означивания, сколько в качестве «режима работы», или способа бытия института. В этом своем качестве наиболее значимыми институциональными дискурсами, на наш взгляд, являются *научный, юридический, политический, религиозный, педагогический*. В рамках этих дискурсов семиотическая деятельность может быть рассмотрена как элемент их структуры (например, лекции в педагогическом дискурсе) или как инструмент выражения основных идей, принципов и ценностей (например, законы в юридическом дискурсе). Однако в институциональных дискурсах все большую значимость приобретает тот аспект семиозиса, который выражает конструирование и реконструирование социокультурной реальности.

При анализе институциональных дискурсных формаций и практик важнейшими задачами являются: исследование форм презентации субъектов института, выявление дискурсных способов социальной дифференциации, изучение процессов означивания и легитимации значения тех или иных общественных отношений — иными словами, анализ процесса конструирования и реконструирования института. Этот процесс мы понимаем как исключительно дискурсный, то есть такой, в котором эффектом коммуникативного акта является поддержание, производство и воспроизводство определенных социальных смыслов и действий.

4. Очевидно, что институциональные дискурсы не существуют в некотором «замкнутом пространстве»; конструирование социальных смыслов предполагает кооперацию дискурсов, при которой, например, политический и юридический дискурсы решали бы единую задачу легитимации социальных отношений. Ни сами дискурсы, ни их взаимодействие не могут быть рассмотрены исключительно в одной плоскости (например, «адресат — адресант» или «текст — контекст»). Дискурс как предмет научного исследования имеет сложную природу, предполагающую наличие ряда параметров; анализ совместимости, взаимодополнительности и границ дискурсов неизбежно имеет дело с многоаспектной природой взаимодействующих дискурсов.

Итак, дискурс задается как предмет научного исследования. Основная задача научной теории дискурса — построение единой модели дискурса, представляющей собой систему коррелятивных параметров этой деятельности. Ясно, что такая модель должна быть многоаспектной, многопараметральной и междисциплинарной, поскольку дискурс — это многослойный, многоуровневый и многофакторный феномен — языковой, речевой, психический, когнитивный, социальный.

Известные модели дискурса, например, когнитивные модели ван Дейка⁵ и О. Йокояма⁶, презентационная модель В. Карасика⁷ и А. Олянича⁸, политическая модель Э. Лаклау⁹, критическая модель Н. Фэрклоу¹⁰ и др., концентрируются либо на определенном аспекте дискурса, либо на конкретной области его функционирования. Бесспорно, такое моделирование имеет крайне важное исследовательское значение: анализ тех или иных «дискурсивных пульсаций» позволяет в итоге создать общую картину дискурса и его функционирования в культуре. К сожалению, такое обобщенное видение дискурса современные социально-гуманитарные науки еще не выработали. Более того, спецификация теорий и моделей дискурса довольно часто препятствует построению такой «общей картины» дискурса.

Далее мы предложим открытую, полипараметральную, унитарную модель дискурса, включающую в себя набор параметров, значения кото-

⁵ См.: *Dijk T. van. Discourse as Social Interaction: a Multidisciplinary Introduction. L., 1997. Vol. 1.*

⁶ См.: *Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М., 2005.*

⁷ См.: *Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.*

⁸ См.: *Олянич А. В. Презентационная модель дискурса: Дисс. ... доктора филологических наук. Волгоград, 2004.*

⁹ См.: *Laclau E. The Death and Resurrection of the Theory of Ideology // Journal of Political Ideologies. 1996. Vol. 3. № 1. P. 201–220.*

¹⁰ См.: *Fairclough N. Critical Discourse Analysis. L., 1995.*

рых, собственно, и задают специфику того или иного институционального дискурса. Мы относим к основным *параметрам* дискурса следующие.

Телеологический параметр (целевые причины дискурса). К наиболее распространенным целям институционального дискурса отнесем: описание (построение дискурса относительно реального (истинного) положения вещей); интерпретация (построение дискурса относительно понимания положения вещей); праксис (построение дискурса относительно технологии изменения положения вещей); диагностика (построение дискурса относительно существенных качеств положения вещей); нормирование (построение дискурса относительно идеального или желаемого положения вещей); прогноз (построение дискурса относительно прогнозируемого положения вещей). Очевидно, что каждый дискурс обладает некоторым набором целей, некоторые из которых являются образующими, основными, что может характеризовать его специфику. Так, например, политика, бесспорно, преследует и описательные, и аргументативные цели, однако, нормирование является приоритетом при построении соответствующего типа дискурса.

Онтологический параметр (типы объектов, существование которых постулируется системой гносеологических абстракций дискурса, виды детерминации одних объектов другими, способы существования этих объектов). Среди предметных областей дискурса мы выделяем: область природных объектов, лишенных интенциональности; область психических феноменов (образы, фантазии, представления, интенции и т. д.); область вымышленных (виртуальных) объектов (числа, значения и т. д.); область социальных явлений (социальных фактов, социальных процессов и т. д.). Так же, как и в предыдущем случае, каждый дискурс оперирует предметами различной природы, то есть относящимися к различным типам реальности. В таком аспекте мы отмечаем возможное смешение предметных областей дискурса: так, например, дискурс СМИ помещает объект одновременно в область психических и в область социальных явлений.

Языковой параметр включает в себя: речевые акты (десигнаторы, прескрипторы, комиссивы, экспрессивы, апрейзоры); языковые средства (экспрессивные и понятийные). Связь между тем или иным типом речевого акта и целью дискурса не всегда очевидна, а в некоторых случаях отсутствует: так, например, некоторые «мягкие» пропагандистские дискурсы (реклама) часто используют не комиссивы, как можно было бы ожидать, а десигнаторы и апрейзоры.

Когнитивный параметр. К нему мы относим формы и методы реализации дискурсом познавательных целей — описание и объяснение фактов,

формирование и обоснование гипотез, прогнозирование, а также логические средства дискурса. Очевидны различия в способах обоснования и в моделях объяснения фактов, например, в медицинском и педагогическом дискурсах или различия в логических принципах религиозного и юридического дискурсов.

Контекстный параметр (типы контекста): экзистенциальный мир личностно-значимых для коммуникантов объектов, состояний и событий, к которому относит то или иное высказывание дискурса; грамматический мир дискурса, характеризующийся формальными и смысловыми связями между высказываниями; ситуационный мир деятельности, общения, статусно-ролевых отношений; психический мир ментальных и когнитивных явлений, ответственных за программу дискурсивной практики.

Текстовой параметр подразумевает, что в дискурсе воспроизводятся следующие типы текста: нарративы (текстовые единства, основанные на последовательности изложения, структура которого становится определяющей в отношении смысла текста), тезисные тексты (в которых смысл достигается и поддерживается за счет ценности каждого отдельного высказывания), референциальные тексты (воспроизводящие смысл, поддерживаемый другими текстами), «панорамные» тексты (локализирующие смысл на генерализованной дескрипции действительности).

Коммуникативный параметр учитывает: статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики участников общения; условия общения (среда, фоновые знания, прецеденты коммуникации); стратегии общения (мотивы, цели, контроль общения); способы общения (канал, режим, стиль и жанр общения).

5. Изучение этих параметров позволяет ответить на вопрос о том, что (какие параметры и их значения) специфицирует институциональный дискурс. Так, например, принципиально важной исследовательской задачей является определить характерные черты научного дискурса в его сопоставлении с дискурсом политическим, что необходимо в контексте различения науки и идеологии; или же квалифицировать тот или иной текст как медицинский или юридический в контексте использования медицинской экспертизы в юридической практике.

Мы выделяем два способа спецификации дискурсов. Первым способом является квантитативный поиск коррелятов между индикаторами параметров дискурса. Например, «комбинация» нормирующей цели, социальной предметной области, экспрессивных языковых средств, эмпирической аргументации, ситуационный и психический контексты, тезисные тексты и формализованные статусно-ролевые коммуникативные характеристики участни-

ков общения позволяет идентифицировать тип дискурса, характерный для политической культуры. Исследовательской задачей является диагностика параметров дискурса и корреляционный анализ их значений. В качестве значений параметров (и субпараметров) будут фигурировать их наличие либо отсутствие и их частотная характеристика в анализируемых текстах.

Однако подобный процесс квантификации коррелятов дискурса сопряжен с рядом методологических трудностей, главные из которых — обнаружение факторных коррелятов (то есть тех параметров, изменение которых неизбежно приводит к изменению состояния всего дискурса), изучение «границ» данного дискурса («поля рассеивания значений» — М. Фуко), проблема совместимости шкал измерения различных параметров дискурса (например, анализ языкового параметра будет предполагать использование преимущественно ранговых шкал, в то время как анализ онтологического параметра — номинальных). В связи с указанными трудностями обратим внимание на другой способ идентификации типа дискурса — качественный анализ «векторной» направленности дискурса.

Исходя из того, что границы дискурсов эмпирически не фиксируемы, явно не маркированы и размыты, можно предположить, что дискурсы существуют не в форме соприкасающихся плоскостей, но в динамичной форме векторов, направление каждого из которых задано некоторой *проблемой*. Иными словами, дискурс возникает из некоторого рассогласования, разграничения, несоответствия, вопроса, возникшего в ходе познания. «Векторность» дискурса предполагает наличие в институциональной культуре некоторого поля рассеивания возможных ответов на ключевые вопросы и постановки новых вопросов. Для каждого типа дискурса характерна своя практика различения и своя стратегия проблематизации. Собственно, сама специфика дискурса задается в первую очередь характером и природой этого первичного рассогласования, различения, культурной практикой противопоставления объектов и их типов. Так, например, базисными рассогласованиями в политическом дискурсе будет противопоставление «своих» и «чужих», «власти» и «народа», «идеи» и «реальности», в то время как в медицинском — «норма» и «патология», «тело» и «дух», «вред» и «польза». Фундаментальной проблемой юридического дискурса является регулирование правовых отношений между субъектами социума, проблемой педагогического дискурса — социализация личности, проблемой медицинского дискурса — профилактика и лечение отклонений (патологий) в функционировании организма и т. д.

В соответствии с тем, что является ключевой проблемой дискурса, как в нем осуществляется проблематизация и как распределяются в дискурсивном поле культуры возможные ответы на главные вопросы, все

вышеперечисленные параметры дискурса начинают функционировать в определенном «режиме»: например, проблема профилактики патологий организма в медицинском дискурсе предопределяет такие значения параметров, как использование понятийных языковых средств, специальных условий общения, создания статусно-ролевого или экзистенциального контекста и так далее. Таким образом, исследователь осуществляет глубокий анализ дискурса с целью поиска проблемы как интегрирующего дискурсного фактора, обнаружения способов проблематизации и спецификации параметров дискурса в соответствии с определенной проблемой.

На наш взгляд, сочетание первого и второго способов поиска специфических черт дискурсов различного типа не только возможно, но и желательно. Так, применение этой модели к изучению тех или иных дискурсов, предполагает следующее содержание исследовательского процесса:

- количественный формально-статистический анализ дискурса (поиск регулятивов, то есть повторяющихся, воспроизводящихся значений и смыслов, зафиксированных с помощью тех или иных базовых для анализируемого дискурса параметральных категорий);
- качественный анализ «направленности» («векторности») дискурса (поиск уникальной проблемы, на решение которой нацелен дискурс, и диагностика дискурсных механизмов ее решения).

Устойчивые параметры (параметры с устойчивыми индикаторами) образуют «ядро» дискурса, задавая тем самым его специфику. Соответственно, неустойчивые параметры образуют границы дискурса. Совместимость дискурсов возможна благодаря наличию у соотносимых дискурсов либо совпадающих «ядровых», либо «периферийных» параметров. В случае совпадения «ядер» (например, религиозный и политический дискурс имеют общие цели («ядровый» телеологический параметр) и используют общие языковые средства («ядровый» языковой параметр)) совместимость может быть обозначена как концептуальная. В случае совпадения «границ» дискурса (например, юридический и медицинский дискурсы используют одинаковые речевые акты в аспекте языкового параметра, а также имеют совпадения в аспекте когнитивного и коммуникативного параметров) совместимость дискурсов может быть обозначена как формальная.

Мы полагаем, что ситуации «интерпретативной неустойчивости», ценностной дисгармонии и когнитивного диссонанса продуцируются в результате формальной совместимости дискурсов либо их полной несовместимости. В условиях чрезвычайной нагруженности информационного поля, сосуществования множества дискурсов с различной онтологией, различ-

ными целями, контекстами и т. д. велика возможность появления феномена мозаичности (разорванности и эклектичности) картины окружающего человека природного и социального мира и, как следствие, шизофренических явлений в ее психике, экзистенциальной фрустрированности либо, напротив, фанатизма, что способствует принятию человеком иррациональных решений и совершению импульсивных поступков, разрастанию в обществе интолерантности и экстремизма.

В целом, обозначенные дискурсные характеристики институтов задают общую стратегию его глубинного анализа, нацеленного как на «вскрытие» имманентных властных механизмов, реализуемых в дискурсной практике, так и на поиск путей гармонизации отношений между человеком и легитимирующей системой. Представляется, что изучение оснований общественных институтов — а таковыми следует считать именно дискурсные процессы — позволит получить, во-первых, более адекватное предмету исследования знание и, во-вторых, анализировать институты в их динамике, а не в статичном состоянии.

Предложенная дескриптивно-квантитативная матрица может быть использована для спецификации дискурсов и, соответственно, институциональных культур. Реализация этого проекта позволяет также осуществлять диагностику институциональных дискурсов, совершенствовать методику дискурсивных практик, повысить их коммуникативную и познавательную эффективность, социальную значимость, разработать техники кооперации различных институциональных культур на основе дискурсивного взаимодействия.